

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2024-4-44-50>

Применение методологии математических исследований в юридической эпистемологии ранних славянофилов Московской философско-математической школы

О. А. Слинченко

младший научный сотрудник сектора философии, теории и истории государства и права
Института государства и права Российской академии наук.
Адрес: ФГБУ «Российская академия наук»,
119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: Gesse2021@yandex.ru

The Application of the Methodology of Mathematical Research in the Legal Epistemology of the Early Slavophiles of Moscow Philosophical Mathematical School

O. A. Slinchenko

Junior Researcher of Sector of Philosophy of Law, Theory and History of State and Law
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Address: Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka Str., Moscow, 119019, Russian Federation.
E-mail: Gesse2021@yandex.ru

Аннотация

В XIX в., в эпоху поиска народного самоопределения через междисциплинарные исследования на стыке философии, математики, богословия, раскрывались различные культурно-исторические типы. В процессе междисциплинарного взаимодействия богословско-философских, морально-этических и, в частности, математических наук происходили поиски интегративного познания – самобытной философской системы цельного знания, вклад в развитие которой внесли ранние славянофилы и представители Московской философской математической школы. Идеи, преимущественно А. С. Хомякова, в последующем были развиты представителями оригинальной Московской философской математической школы, которые стали выразителями одной из триад ранних славянофилов – «Вера, знание, опыт». Это позволило посмотреть на сущность права как на явление трансцендентального характера, которому присущи, с одной стороны, начала иррационального мирового порядка, а с другой – трансцендентальные идеи вечного поиска истины, справедливости и законности. Именно соединение народно-славянского мировосприятия с достижениями фундаментальной науки позволило ранним славянофилам описать основы правовой культуры и правосознания русского народа с помощью теолого-юридических конструкций. Автор также считает, что славянофильская философия права составляет основу юридической славистики, возрождающейся в современной России.

Ключевые слова: гносеология, математика, философия, право, А.С. Хомяков, Н. В. Бугаев, П. А. Некрасов, славянофилы, Россия, теология, юриспруденция, государство, правосознание, религия.

Abstract

In the era of the 19th century, the search for national self-determination through interdisciplinary research at the intersection of philosophy, mathematics, theology revealed various cultural and historical types. In the process of interdisciplinary interaction of theological and philosophical, moral and ethical and, in particular, mathematical sciences, there was a search for integrative knowledge - an original philosophical system of integral knowledge, a contribution to the development of which was made by the early Slavophiles and representatives of the Moscow philosophical mathematical school. The ideas, mainly those of A. S. Khomyakov, were subsequently developed by representatives of the original Moscow philosophical mathematical school, who became the exponents of one of the triads of the early Slavophiles, namely: "Faith, knowledge, experience." This allowed us to look at the essence of law as a phenomenon of a transcendental nature, which is characterized, on the one hand, by the beginnings of an irrational world order, and on the other, by transcendental ideas of the eternal search for truth,

justice and legality. It was the combination of the national Slavic worldview with the achievements of fundamental science that allowed the early Slavophiles to describe the foundations of legal culture and legal consciousness of the Russian people with the help of theological and legal constructions. The author also believes that the Slavophile philosophy of law forms the basis of legal Slavistics, which is being revived in modern Russia.

Keywords: epistemology, mathematics, philosophy, law, A. S. Khomyakov, N. V. Bugaev, P. A. Nekrasov, Slavophiles, Russia, theology, jurisprudence, state, legal awareness, religion.

Характерными чертами философско-правовой мысли XIX в. были алогизм, гносеологический интуитивизм, идеализм (влияние немецкой философии), платонизм, присущий русской философии онтологизм, соединение догматического метода с эмпирическим и духовно-нравственным опытом. Что касается эпохи, это был век самосознания, интуиции осознанной – не мистически-абстрактной, а духовной, нравственно-психологической, через которую происходило преодоление чисто эволюционных взглядов на развитие истории и мысли и позитивистских тенденций в теории познания.

Одной из триад XIX в. являлась формула познания «Вера. Знание. Опыт», строящаяся на фундаменте междисциплинарной корреляции «срединных наук» – философии, богословия и математики. Эта корреляция раскрывалась через тринитарный догмат, основанный на принципе единства в различии, внутри себя содержащий категории свободы и необходимости, линейного и нелинейного типов развития, интеллектуальной и эмоциональной составляющих познания.

Математика и философия способствуют расширению границ теории познания и оказывают влияние на познавательные концепции права, обогащая его методологически и идейно. Философия – это идейная почва. Философия «до всякой науки появляется там, где пробуждается человек», она – как «бытие-в-пути ... предстает как своеобразный диалог, который мыслители разных эпох ведут друг с другом поверх пространственно-временных и культурно-национальных границ» [18. – С. 10–14]. Наука о праве есть часть философии [2. – С. 24], в которой также содержится иррациональный компонент. Именно через иррациональное познание возможно раскрытие глубинных процессов права, которое как предмет познания схватывается в целом и в его бытии [3. – С. 24].

Если философия оказывала влияние на идеологические концепции, то математика – на формулирование понятийно-категориального аппарата. Платон определял математику как «срединную науку», имея в виду ее роль посредника, пе-

редаточного механизма, универсального средства связи между двумя мирами – материальным и идеальным¹. Например, Г. Лейбниц проводил сопоставление геометрии с юриспруденцией и применял к различным видам наук комбинаторный метод (совмещающий анализ и синтез), а его теория о врожденной идее, идущей еще от философии Платона, и непрерывном эволюционном развитии права, основанном на его монадологии непрерывного эволюционного развития, оказали влияние на историческую школу права. Последующее изменение взглядов представителей исторической школы права было произведено под влиянием философии Г. В. Ф. Гегеля и его диалектического метода познания, являющего собой творческий потенциал преобразования через столкновение противоположностей и возникновение нового знания в соотношении общего и частного, что так ярко было выражено в философии и научно-правовых дисциплинах международного права и сравнительного правоведения. Математическая теория Г. Лейбница зеркально отображена в его философских построениях, оказавших влияние на культурно-исторические типы И. Г. Гердера и философию Г. В. Ф. Гегеля. Как и метод Гегеля, метод тождества Ф. В. Й. Шеллинга нашел выражение в определении народного духа исторической школы права. В свою очередь, теория вероятности внесла методы вероятностного прогнозирования в судебную и розыскную деятельность, а именно в части оценки свидетельских показаний или достоверности вынесенного судебного решения, оценки необходимости междисциплинарных методов и использования аналогии в области закона.

Несомненно, западная философия оказала большое влияние на отечественную мысль, но также очевидно, что были те «колумбы древностей российских», которые через постижение духа привнесенной с Запада философии дали ей объективную оценку, не нивелируя ее достоин-

¹ Вечтомов Е. М. Философия математики : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. – М., 2019. – С. 148.

ства, но переосмыслив их путем обращения к своим корням, и строили собственную мировоззренческую картину. На этот процесс оказали влияние ранние славянофилы, которые в своих сочинениях и письмах намечали идейные основы нарождающейся гносеологической концепции. Продуктивность этого научного поиска заключалась в междисциплинарном взаимодействии различных наук – математики, философии, богословия (нравственного богословия), психологии, социологии – в их применении к правовой области.

Стремление к синтезу в теории познания обусловлено в том числе стремлением к решению конфликта между верой и наукой, рациональным и иррациональным началами познания, а также признанием догматического и нравственного богословия, равно как и христианской антропологии равноправными участниками познавательного процесса, который не искажается, но, напротив, обогащается и дополняется этими направлениями знания.

В ту эпоху через междисциплинарные направления деятельности, в сферу которой входили философия, математика и богословие, раскрывались культурно-исторические типы: западноевропейский и древнерусский. Одной из проекций подобного рода изысканий была математика (триадичная и четверичная системы). В процессе междисциплинарного взаимодействия философии, математики и богословия происходили поиски интегративного познания – самобытной философской системы цельного знания – через введение вероятностных союзов и алгебраической степени, применение теории натянутых струн как одной из интерпретаций древнерусской философии умознания, а также комбинаторного анализа, графической скалы меры развития. Последняя находила выражение в философии Парменида, в древнерусском принципе диссимметрии «право–лево» как духовно-нравственного свойства применительно к интерпретации права; ее примером могут также послужить введенный П. А. Сорокиным термин «морально-правовой термометр» и оригинальное понятие «правомерие», введенное П. А. Некрасовым на основе идеи А. С. Хомякова. Математическая область является одной из проекций, открывающей возможность рассмотрения различных культурно-исторических типов народности.

Славянофилы как культурное явление стали знаковым явлением эпохи, воплотив в своей дея-

тельности несколько триад идеологического, гносеологического и аксиологического свойства. Одной из них была формула познания, возникшая как ответ на триадическую концепцию дуалистического характера и линейно-эволюционного типа развития, содержащейся в философии Гегеля.

В своих исследованиях славянофилы обращались к трудам античных мыслителей (Сократа, Платона и Аристотеля, Прокла), концепциям западной философии и математики (содержащимся в сочинениях И. Канта, Г. В. Гегеля, Ф. В. Шеллинга, Б. Спиноза, И. Гердера, Б. Паскаля, Г. В. Лейбница, П.-С. Лапласа), работам представителей исторической школы права (таких как Г. фон Гуго, Ф. Савиньи, Г. Пухта), трудам русских мыслителей, философов и математиков, в том числе М. В. Ломоносова, Н. И. Лобачевского, П. Л. Чебышева, которые внесли вклад в формирование нелинейной теории познания, выраженной в трансфинитности, которая представляет собой имманентное самопознание.

Фактически эта научно-философская школа, или «исключительно научная, историческая, философская и теософическая доктрина» [4. – С. 1145], путем преобразования уже имеющегося опыта с применением теории вероятностного проективного (интуитивного) мышления разрабатывала новую формулу теории цельного познания [13. – С. 12], в основе которой была четверичная философия цельного знания, исходящая из корней древнерусской философии, догмата веры и математических теорий. Объемная четверичная (нетриадичная) гносеологическая система расширяла рамки позитивистской и эволюционной мыслительной деятельности через самопытное сознание, возвышая его «до степени психически-созидательного», формируемого в ходе культурно-просветительского развития через три соборные, иерархически соотносящиеся, взаимосвязанные силы мышления – «логического определения, силлогического суждения и умозаключения и метафизического осуществления» [11. – С. 17; 23].

В работах А. С. Хомякова есть идейные зарисовки, которые позволяют определить различные культурно-исторические типы, характерологические особенности народного менталитета и самобытную теорию познания путем разделения математики на чистую формальную логику, выраженную в алгебре, и на математику духовного стиля, включающую геометрическую координацию, аритмологию, «эйект», рассматриваемые

через нравственное богословие и психологию. Идея «эйекта» – срединной психологической составляющей познания, основанной на трихотомичности природы сознания, являющейся ядром «верующего мышления», – принадлежит прежде всего А. С. Хомякову, впоследствии же понятие «социологический эйект» было введено математиком В. Клиффортом [11. – С. 15].

П. А. Некрасов сравнивал «социологический эйект» с системой натянутых струн, звучание которой воспринимается тем явственнее, чем более развито внутреннее ухо и зрение. В итоге «декартовский солипсизм (эгоизм) индивидуальной личности и непроницаемость лейбницево́й живой единицы (монады) умеряются, так как эмпирическое “я” развивается, растет в общественной атмосфере» [6. – С. VII]. В этом познании комбинаторный анализ «подсказывает возможности многоединства», а ориентиром выступает «сложная монада как мерило символическое остальных благ» [6. – С. V].

В дальнейшем эта идея нашла свое развитие в положениях Московской философско-математической школы. Ее представители в лице Н. В. Бугаева, П. А. Некрасова, о. П. Флоренского развивали аритмологическое дискретно-целостное мирозерцание свободно творящей воли, выраженное в качестве эволюционной монадологии, а также теории вероятности как формулы целостного познания (иррациональной теории духовно-психологического свойства), основанной на традициях древнегреческой и древнерусской философии.

Московская философско-математическая школа развивала идеи, принадлежащие преимущественно А. С. Хомякову и воплотившиеся в форме упомянутой выше триады «Вера, знание, опыт». Вера – религиозный фактор, основа гносеологического онтологизма ранних славянофилов. Именно из Библии вынесена научно-философская теория этического провиденциализма. Опыт – историко-культурный аспект, вводимый в теорию познания различных социальных областей исторической школой. Это школа «по духу скорее пифагорейская и платоновская, также христианская» [6. – С. 15].

Философско-математическое аритмологическое направление мышления представлено в лице Н. В. Бугаева, П. А. Некрасова, о. П. Флоренского, которые в противовес аналитическому типу мышления склонялись к дискретно-целостному мирозерцанию свободно творящей воли, выраженному в качестве эволюционной монадоло-

гии. Этизация культурного мировоззрения развивалась Н. В. Бугаевым в его эволюционной монадологии, рассматривающей мир не только как «одно закономерное, но историческое, этическое и социальное явление» [1. – С. 18].

Примечательно вводимое П. А. Некрасовым понимание вероятностных союзов в рамках теории вероятности, соединяющей идейные, духовные и материальные начала знаний (синтез сознательного и бессознательного, теория как духовнопроективный орган познания), через которые раскрывается транссубъективная, этическая вероятностная связь по отношению к «чужим я». В развитие «трансфинитного пространства и полупространства» [16] внесли свой значимый вклад М. В. Ломоносов и Н. И. Лобачевский [15. – С. 389]. В гносеологическом построении важным было развитие трансфинитности, которая преодолевает дуалистично-материалистическое трехмерное пространство Евклида.

Стоит отдельно отметить, что метод вероятностного познания использовался П. А. Некрасовым применительно как к общественным наукам, так и к юридической теории – в последнем случае в разных контекстах:

- в установлении этического транссубъективного отношения к «другим я» и к себе самому (что также имеется в исследовании С. Л. Франка, который рассматривал «трансцендирование вовне: отношения “я–ты”»);

- в выведении среднего принципа – «средней величины», «дозволяющей установить измерительную скалу устойчивости и неустойчивости явления благ в результате массовой человеческой деятельности, последовательно развивающейся в ходе исторического процесса»;

- в выведении золотой середины – «идеалов жизненной истины» и этико-юридической формулы правомерия из общего итога закона погрешности, «сопровождаемого нормами страхового права» и представляющего собой «основной элемент как философии права, религии, науки и педагогики и философии истории, так и элемент логической системы индуктивных и дедуктивных наук».

Так, на измерительной скале, образуемой срединной величиной, можно выявить погрешности отклонения в развитии государственном и общественном, где для установления баланса необходимо соотношение «покровительственных мер права» в виде закона и «мистики свободы» [6].

В вероятностном восприятии заключено цельное знание: оно есть умственное зрение, вклю-

чающее интуицию, опыт, верующий разум. В этом и выразилось соборное сознание. Теория вероятности выступает как проективный орган интуиции народа, его эмпирического опыта и понимания своевременного законодательного реформирования.

На основе теории вероятности ученые выводили такое понимание, как «правомерие в законе» – это средняя нравственная высота общественного правосознания, определяемого в содержании текста законов. Впоследствии схожие рассуждения обнаруживались в работах Б. Н. Чичерина.

Эта гносеология дает вероятностные союзы органического взаимодействия различных наук и сил мышления (таких как логика–чувство–интуиция; опыт–знание–вера; рассудок–разум–ум), проходящие через комбинаторный анализ (теория сочетаний – П. А. Некрасов [6. – С. V]) и в процессе динамики познания создающие уникальную конструкцию познания (правопознания / правописаниеведение).

Вышеуказанные процессы, протекавшие в XIX в., способствовали переосмыслению отечественной политико-правовой доктрины, заложив фундамент самобытного становления научной и философской мысли. В исследуемый период времени в правовой области происходит смена акцента с рационалистического подхода к праву на исторический и интуитивный подходы. Как следствие определенной тенденции, в начале XX в. были сформированы оригинальные теории права: феноменологическая, экзистенциальная, синтетическая.

Так, «алгебра, анализ, аритмология, геометрия и теория вероятностей дают основы научно-философского мирозерцания и мышления, выражающие дух народа и народную культуру. <...> Ситуация юридическая (правопорядок) есть ситуация вероятностная и геометрическая в широком смысле слова, обслуживающая всюду нужды населения в защите формулами закона и судами. <...> В построении для жителей государства гражданского кодекса и в применении разума его статей к разуму народного творчества и самосохранения, индивидуального и государственного, необходимы математические методы геометрии, дифференциального и интегрального анализа вещей» [6. – С. 29–30].

Применительно к науке права «эйект», как мысль бытующая, позволяет выводить природу права и внутренней жизни общества. Это и есть олицетворение народного опыта, обычного пра-

ва, процесса формирования общественного мнения и психологический аспект раскрытия мотива поведения в циркуляции самосознания через веру, знание и опыт. В целом благодаря «эйекту» как составляющей части теории вероятности раскрываются характерологические черты народного менталитета и делается акцент на важности социологического опыта коммуникации этического свойства, оказывающего содействие в деле законодательного реформирования и непосредственное влияние на процесс реализации правового воспитания.

В настоящее время вновь актуализируются научные исследования в области народного самосознания, возрождается интерес к консервативно-охранительным теориям, к формулированию объединительной идеологии, что возможно только при условии изучения исторических корней, веками складывающейся народной идеи, а также самобытного типа мышления, отражающегося на философской и политико-правовой мысли. В данном контексте становятся значимыми философско-гносеологические разработки «ранних славянофилов» и Московской философско-математической школы, которые через математику определяли самобытный тип русского мышления, уходящий корнями в древнерусскую философию.

Как отмечают ученые М. Н. Громов и Н. С. Козлов, на Руси философская мысль соединяла в себе три метода: нравственно-практический метод школы Сократа, метод художественного творчества школы Платона и формально-логический метод школы Аристотеля с преобладанием именно первого метода¹, которым, как будет отмечено, преимущественно пользовался А. С. Хомяков [5. – С. 71]. Это и есть мировоззренческая картина Руси, отражавшаяся в том числе в древнерусской «нелинейной, перцептивной» живописи, которая стремилась «выйти на диалог» с созерцающим ее человеком, являя собой «умозерцание в красках». Так и летописец объяснял все происходящие исторические события, выводил их причинно-следственную связь через выносимую из Библии «научно-философскую теорию этического провиденциализма» [17. – С. 22]. Вследствие этого и право, как синоним правды, обозначало «нормативно-религиозно-

¹ Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X–XVII веков : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 1990. – С. 27.

нравственную субстанцию» [7. – С. 263] в соединении трех вышеназванных методов с логико-психо-духовно-нравственными категориями философии, нравственного богословия, юриспруденции. В данной формуле выражается возвратное мышление триединого пневмо-психологического свойства.

Важно отметить заслугу ранних славянофилов в развитии деятельного познаниеведения – гносеологического онтологизма (православно-этической гносеологии), конституированной на основе тринитарного догмата. Эта теория познания имеет универсальный, фундаментальный характер, объединяющий воедино различные науки и равно применимый к различным направлениям социальных, культурологических, исторических наук, и ранние славянофилы применяли его в правовой области познания.

При этом право определялось не как минимум нравственности, согласно В. С. Соловьеву, а как средняя нравственная высота, что, несомненно, возвышало роль закона в общественном нравственно-правовом восприятии, переводя его с рационалистического уровня познания на душевно-духовный (психологический и сверхпсихологиче-

ский) уровень, ставя его в центр живительного правосознательного и законотворческого процесса.

Характерно, что уже в XX в., в послереволюционное время, профессор М. В. Шахматов видел причину наступившего кризиса правосознания в крайней юридизации, возможное же преобразование определял в традиционных политико-правовых идеях Древней Руси, которые все также остаются актуальными для современного государственно-общественного устройства [8]. Через раскрытие соборной (монотриадной) гносеологии славянофильского учения можно установить традиционные черты отечественного мышления, основ правового мышления и, как следствие, раскрыть самобытную отечественную правовую конструкцию православно-этического правовопонимания.

Фактически отсутствуют научные исследования, проводящие комплексный анализ универсальных гносеологических построений ранних славянофилов, чем объясняется актуализация настоящего теоретического осмысления, в частности, в области поиска усовершенствованной методологической конструкции в теории отечественного права.

Список литературы

1. Бугаев Н. В. Основы эволюционной монадологии. – М. : типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1893.
2. Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. / под ред. А. Деборина и Д. Рязанова. – Т. 7 : Философия права. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1934.
3. Графский В. Г. Философия права в России: из опыта XX века : монография / отв. ред. В. Г. Графский. – М. : Норма : Инфра-М, 2023.
4. Кавелин К. Д. Собрание сочинений К. Д. Кавелина : в 4 т. – Т. 3 : Наука, философия и литература / вступ. ст. А. Ф. Кони, примеч. проф. Д. А. Корсакова. – С.-Пб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1899.
5. Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883) с семью приложениями. – Berlin, 1884.
6. Некрасов П. А. Теория вероятностей. – 2-е изд., доп. статист. теорией взаимоотношений и элементами номографии. – С.-Пб. : тип. Ю. Н. Эрлих, 1912.
7. Rogov V. A., Rogov V. B. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. (Очерки IX – середины XVII в.). – М. : МГИУ, 2006.
8. Серегин А. В. Древнерусская правовая цивилизация // Lex Russica. – 2024. – Т. 77. – № 7. – С. 124–139.
9. Сорокин П. А. Моя философия – интегрализм. – URL: <https://rksorokinctr.org/images/nauka/filosofia.pdf>
10. Стеллецкий Н. Опыт нравственного православного богословия в апологетическом освещении (из чтений по богословию в Императорском Харьковском университете) : в 3 т. – Т. 1 : Общий или основоположительный. – М. : ФИВ, 2009.
11. Таубе М. Ф. Дуализм Запада и триединство Востока. – Харьков : типогр. журн. «Мирный Труд», 1910.
12. Таубе М. Ф. Московская философско-математическая школа, основанная проф. Бугаевым, и славянофильство Хомякова. – Харьков : типогр. журн. «Мирный труд», 1908.

13. Таубе М. Ф. Отзывы о просветительной деятельности А. С. Хомякова. – Харьков : типогр. журн. «Мирный Труд», 1906.
14. Таубе М. Ф. Познаниеведение (гносеология) по славянофильству. – М. : Книга по Требованию, 2014.
15. Таубе М. Ф. Самостоятельный уклад православно-русской мысли и восточного славянского просвещения. Разбор статьи Л. Лобова «Энциклопедия русской мысли» (Славянские известия. № 12) // В. Ф. Эрн: pro et contra / сост., вступ. статья, коммент. А. А. Ермичева. – СПб. : РХГА, 2006.
16. Франк С. Л. Сочинения. – М. : Правда, 1990.
17. Шахматов М. В. Государство правды. – М. : ФондИВ, 2008.
18. Ясперс К. Введение в философию. – Минск : Изд-во ЕГУ «Пропилеи», 2000.